

Л. Л. КАРПОВА (Ижевск)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА*

Abstract. Morphological Differences in the Northern Dialects of the Udmurt Language

The article is devoted to the analysis of specific morphological phenomena recorded in the Northern dialects of the Udmurt language. Special attention is paid to characteristics which distinguish between separate Northern Udmurt dialects and/or have a limited distribution in the investigated group of dialects. Linguistic facts of the Northern dialects are compared with similar phenomena in other Udmurt dialects.

Keywords: Udmurt language, Northern Udmurt dialects, morphology, types of morphological differences.

0. В удмуртской диалектологии, несмотря на бесспорные успехи, имеется немало нерешенных задач. Так, неравномерно изучены диалекты северноудмуртского наречия, в котором принято выделять три группы говоров (или диалектов): верхнечепецкие, среднечепецкие и нижнечепецкие. К настоящему времени всесторонне изучены лишь среднечепецкие говоры, своеобразие которых нашло освещение в трех монографиях автора (Карпова 1997; 2005; 2013). Говоры, распространенные в верхнечепецком и нижнечепецком языковых ареалах, исследованы эпизодически и в различной степени (Тепляшина 1970 : 156—196; Алашеева 1982 : 91—105; 1990 : 8—10; Каракулов 1982 : 106—115; Архипов 1987 : 84—92; Люкина 2008 : 152—154). В последнее десятилетие нами предпринято системное обследование языка удмуртов, населяющих верхнечепецкий и нижнечепецкий регионы. Анализируемый материал собран автором в экспедициях 1987—2014 гг. от носителей северноудмуртских диалектов, преимущественно пожилых людей, лучше сохранивших диалектные черты. Использовались разные методы сбора материала: запись на цифровые носители бытовых разговоров, рассказов, бесед; интервью; опрос по составленному автором словнику-вопроснику, ориентированному на изучение современного состояния северноудмуртских диалектов с охватом фонетического, морфологи-

* Продолжение статьи «Фонетические различия в северных диалектах удмуртского языка» (Карпова 2014).

ческого и лексического уровней. Использовались также наблюдения над спонтанной диалектной речью. В ходе экспедиций собран большой корпус языкового материала, который вводится в научный оборот (далее полевые материалы автора — ПМА). В качестве источника привлекаются также опубликованные научные труды по рассматриваемой теме.

В настоящее время северноудмуртские диалекты подвергаются сильной ассимиляции русским языком, что ведет к сужению сферы их функционирования. С сожалением приходится констатировать, что на родном языке говорят в основном представители старшего и среднего поколений северных удмуртов, а дети практически не владеют этническим языком и общаются в основном на русском. Влияние русского языка в северноудмуртских диалектах проявляется на всех уровнях системы: в лексике, фонетике, морфологии, синтаксисе. Следует подчеркнуть, что заимствование из русского языка в данных диалектах распространено значительно шире, чем в остальных удмуртских говорах. Свою роль в этом, безусловно, сыграло то, что северные удмурты географически и исторически больше тяготели к Русскому Северу. Кроме того, их связи с русскими имеют более длительную историю.

Предлагаемая работа является продолжением многолетних изысканий автора в области северноудмуртского лингвистического пространства и посвящена описанию формальных морфологических различий. Материал приводится в основном в фонематической транскрипции на кириллической основе, которая принята в современной удмуртской диалектологии. Варианты фонем отмечены особыми знаками лишь в тех случаях, когда они выступают в качестве различительного признака (в частности, употребление вариантов фонемы *ы* (*ы*, *ь*, *ы́*) в говорах среднечепецкого диалекта).

Грамматический строй удмуртских говоров в отличие от фонетической системы проявляет большее единообразие. В морфологии об этом свидетельствуют одни и те же части речи и в основном одни и те же их категории. Различия прежде всего касаются формы выражения отдельных грамматических значений или категорий, а также набора грамматических значений, закрепленных за некоторыми грамматическими формами (Кельмаков 1998а : 106). При описании морфологических различительных признаков в северноудмуртском диалектном пространстве мы опираемся на классификацию типов различий, выявленных В. К. Кельмаковым (1998 : 111—115; 1998а : 106—120). В работе описаны и различия, ранее не отмеченные исследователями.

1. Различия в количестве членов грамматических категорий

1.1. В большинстве удмуртских диалектов и в литературном языке склонение существительных представлено 15 падежами: восемь субъектно-объектных (номинатив, аккузатив, генитив, аблатив, датив, каритив, инструменталь, адвербиаль) и семь пространственных (инессив, иллатив, элатив, эгрессив, пролатив, терминатив, аппроксиматив). В северноудмуртских диалектах спектр падежей варьирует от 15 до 21. Связано это с развитием серии вторичных приблизительно-местных падежей с

n'-евым признаком, возникших в результате секреции послелогов с основой *дин'*- 'у, около, при, возле'. Их распространение ограничивается нижнечепецкими говорами (слободской, косинский) (Тепляшина 1970 : 167; 1981 : 285—286), среднечепецким диалектом и говорами северо-запада Кезского района (Карпова 1997 : 86—88; Максимов 1999 : 201). В верхнечепецких говорах аналогичные падежные формы отсутствуют (за исключением говоров северо-запада Кезского района): им соответствуют конструкции с послелогом с основой *дин'*- 'у, около, возле, при' (*эиэ дин'э* 'к своему другу', *эиэ диньс'* 'от своего друга').

Дистрибуция новых падежей ограничена существительными и местоимениями со значением 'лицо', поэтому они имеют узкую семантику и выражают пространственно-посессивные отношения, но не просто нахождение около кого-(чего-) либо, движение к кому-(чему-) либо и т. д., а «ее нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо и т. д.» (Максимов 1999 : 194).

В средне- и нижнечепецком диалектах *-n'*-евый признак систематически встречается в четырех падежах, чаще в инессиве и иллативе, реже в элативе, эгрессиве. Примеры: сч. *кал' эшэныс'эн мон сой-йэ пумитай* (Деб.) 'Только что в доме своего друга я его встретил' (ПМА); нч. *тил'эдэс бэн Зина бабанэ кэланэ, отын уло-ды* (Пес.) 'Вас ведь [в дом] к бабе Зине нужно отправить, там будете жить' (ПМА). Примеров употребления приблизительного пролатива и приблизительного терминатива, в наших записях фольклорного и повествовательного характера не обнаружилось. Однако в материалах, собранных по словнику-вопроснику, эти падежные формы фиксируются. Примеры: Чурич. *сосэдн'оз* 'до соседа', *сосэдн'ути* 'у соседа', Ник. *адамин'оз* 'до человека', *адамин'ути* 'у человека'. Данный факт свидетельствует, как нам кажется, о вполне реальном функционировании приблизительных пролатива и терминатива в указанных диалектах. Неодинаковая частотность употребления, с одной стороны, приблизительного инессива и приблизительного иллатива соответственно с формантами *-нэ*, *-нын*, и, с другой, приблизительных элатива, эгрессива, пролатива и терминатива соответственно с формантами *-ныс'*, *-ныс'эн*, *-н'ути*, *-н'оз'*, по-видимому, обусловлена различием в частотности выражаемых ими отношений.

Нельзя обойти и тот факт, что параллельно с падежными формами с элементом *-n'*- в средне- и нижнечепецком диалектах употребляются послеложные конструкции имени в номинативе с послелогом, образованном от основы *дор-*, например: сч. *тин' оццы муми доры пыриды кэ дак, муми тодоз, со соосты мачкоз, вэралоз маркэ-маркэ* (Ел.) 'Если вот туда [в дом] к моей матери зайдете, мама знает ('будет знать'), всё о них расскажет, скажет что-нибудь да' (ПМА); нч. *Л'эна йос дорыс'эн ми лыктим ти доры* (Свет.) 'Из [дома] Лены мы пришли к вам'. Наиболее часто аналитическая конструкция с послелогом *дор-* используется вместо возможных форм приблизительных элатива, эгрессива, пролатива и терминатива.

1.2. В последнее время в удмуртском языке лингвисты выделяют, помимо трех традиционных наклонений (изъявительное, повелительное и условное), четвертое — желательное. Его формы образуются соче-

танием с формами будущего времени основного глагола с частицей *мэд* 'пусть', которая в утвердительном аспекте не спрягается во всех диалектах. В северных, как и в целом в удмуртских говорах, своеобразие проявляется в оформлении отрицательных форм желательного наклонения. В верхне- и среднечепецком диалектах при изменении по лицам и числам ни основной глагол, ни частица *мэдам* не принимают соответствующих показателей.

Отрицательная форма

единственное. число

- 1 л. *мэдам учкы* 'пусть я не посмотрю; чтобы я не смотрел'
- 2 л. *мэдам учкы* 'пусть ты не посмотришь; чтобы ты не смотрел'
- 3 л. *мэдам учкы* 'пусть он не посмотрит; чтобы он не смотрел'

множественное число

- 1 л. *мэдам учкэ* 'пусть мы не посмотрим; чтобы мы не смотрели'
- 2 л. *мэдам учкэ* 'пусть вы не посмотрите; чтобы вы не смотрели'
- 3 л. *мэдам учкэ* 'пусть они не посмотрят; чтобы они не смотрели'

Примеры: сч. *сэрэ тин' кут м э д а м п ө с т ы шуьса, шпилка жугылызы. ну макэ брэзэнтэ-з-а шэт'то, с'умысэ-з-а шэт'то, кутэ жуго* (Оз.) 'Затем, чтобы лапти быстро не изнашивались, шпильку прибавляли [к лаптям]. Ну что-то вроде брезента ли находят, сырмятной кожи ли находят, [к подошве] лаптя прибавляют' (Карпова 2005 : 482—483); *тин' сэрэ, гужэм пожар мар потон йан' кэ, со курэкнузэн потса, липэт вьлаз понъли-зъ со курэкнузэз, то-жо пожар, тьлпу м э д а м п о т шуьса* (Ер.) 'И вот, если летом пожар случается, вынося яйцо, клали на крышу это яйцо, чтобы пожар не случился' (Карпова 2005 : 354); вч. *көтты но м э д а м с у м а. ма ван', сойэ ик судиском* (Бер.) 'Чтобы вы не проголодались. Что есть, тем и угощаем' (ПМА); *война вылти ужай тракторын. ти м э д а м а з з э, ой-йой, сычэ улонэз* (Тол.) 'Во время войны работала на тракторе. Пусть вы не увидите, ой-ей, такую жизнь' (ПМА).

В нижнечепецких говорах, как и в большинстве южноудмуртских диалектов (Кельмаков 1977 : 49—50; 1998а : 108), в подобном случае лицо выражает частица *мэдам* 'я пусть не, чтобы я не', *мэдад* 'ты пусть не, чтобы ты не' и т. д., показатель же числа (ед. -*ө* / мн. -*лэ*) присоединяется к глагольной части.

Отрицательная форма

единственное число

- 1 л. *мэдам ужа* 'пусть я не поработаю; чтобы я не работал'
- 2 л. *мэдад ужа* 'пусть ты не поработаешь; чтобы ты не работал'
- 3 л. *мэдаз ужа* 'пусть он не поработает; чтобы он не работал'

множественное число

- 1 л. *мэдам ужалэ* 'пусть мы не поработаем; чтобы мы не работали'
- 2 л. *мэдад ужалэ* 'пусть вы не поработаете; чтобы вы не работали'
- 3 л. *мэдаз ужалэ* 'пусть они не поработают; чтобы они не работали'

Примеры: нч. *нылы мэдаз ыммэ ус'ы, тан' сискэмын но өвёл со* (Ок.) 'Дочка моя пусть не засыпает, даже и не ела

она' (ПМА); *ко-т'мар мон дун'нэ адзэмын, ко-т'кычэ калык ўан'. война гинэ м э д а з л у ы в а л* (Берез.) 'Всякую я жизнь повидала, всякий народ есть. Только войны пусть не будет' (ПМА).

2. Различия в составе или дистрибуции морфем, которые выражают одно грамматическое значение и находятся в отношениях синонимии

В северноудмуртском языковом пространстве для выражения неполноты качества используются суффиксы *-мыт (-мът)*, *-алэс (-галэс)*, *-пыр (-пър, -прэс)*. При этом каждый из них при выполнении модеративной функции употребляется только с определенными лексико-семантическими группами прилагательных, например, *-мыт (-мът)* в основном с прилагательными, выражающими цветные признаки предметов, он обозначает слабо проявляемый тонкий оттенок основного цвета (*вожмът* 'зеленоватый платок'). Прилагательные с *-пыр (-пър, -прэс)*, помимо слабо проявляемого оттенка основного цвета, могут выражать тонкие вкусовые качества, изредка эмоциональное состояние (*го-ртпыр суй* 'глинистая (красноватая) земля', *мӱзмы-тпыр мылкыд* 'грустно-ватое настроение'). Суффикс *-алэс (-галэс)* присоединяется к прилагательным, обозначающим цвет, различные вкусовые качества, размер и форму предмета: *пурь-салэс ыж* 'сероватая овца', *чы-рсалэс турън* 'кисловатая трава', *кузы-талэс сок* 'солончатый сок', *субэ-галэс коридор* 'узковатый коридор'.

В функционировании модеративных суффиксов северноудмуртские диалекты не однородны. В среднечепецких говорах употребляются *-мыт (-мът)*, *-алэс (-галэс)*, *-пыр (-пър, -прэс)*. Более высока частотность суффиксов *-мыт* и *-алэс*. Примеры: сч. *тан' лызмыт обой мыным йун йараскэ* (Оз.) 'Вот синеватые обои мне очень нравятся'; *во-жа-лэс но плат'тайэ но, лы-залэс но син'носы* (Ук.) 'Зеленоватое мое платье да, синеватые мои глаза'. Фонетические варианты формантов *-галэс, -прэс* sporadически встречаются лишь в ярском и глазовском говорах (подробнее в 4.3.2 и 4.3.3).

В ниже- и верхнечепецких говорах употребительны лишь суффиксы *-мыт* и *-алэс*, а морфема *-пыр* и ее варианты нами не зафиксированы. Примеры: вч. *та гэоргинлэн г о р д м ы · т, вылды, саскэз, то-чно уг ни тотскы* (НТыл.) 'У этого георгина красноватые, кажется, цветы, точно уже не помню' (ПМА); *ми чэмгэс вэраском «лызалэс», а «лызмыт» ичигэс* (Ар.) 'Мы чаще говорим «лызалэс», а «лызмыт» реже' (ПМА); нч. *пунуэлэн сунэ-дмыт син'носыз кал' но син азам* (Пес.) 'Коричневатые глаза моей собаки и сейчас перед глазами моими' (ПМА); *куз'италэс тайиз сылалтэм губийэ, вуын возоно* (Сиб.) 'Солончатые вот эти соленые грибы, нужно в воде подержать' (ПМА).

3. Выражение грамматического значения посредством различных грамматических средств

Этот различительный тип в северноудмуртских диалектах встречается в нескольких вариантах.

3.1. Дифференциация диалектов по использованию морфологических средств, разных по происхождению и фонетическому составу.

Компаратив имен прилагательных и отдельных групп наречий в северных говорах, как и в большинстве удмуртских диалектов, выражается с помощью формантов *-гэс* и *-гэм*, семантические различия в употреблении которых в настоящее время не ощущаются. В верхне- и среднечепецком диалектах функционирует преимущественно суффикс *-гэс*. В нижнечепецкой группе говоров, согласно нашим данным, более широкое распространение имеет суффикс *-гэм*, хотя в материалах Т. И. Тепляшиной, зафиксировавшей речь нижнечепецких удмуртов в 1960-е годы, отмечается параллельное употребление суффиксов *-гэс* и *-гэм* (Тепляшина 1964 : 138—140). Примеры: сч. *котрэс, как шу-шки, сычэ ик луэ со но, просто со кы з э с' г э с, то-лко с'од н'анлэс лэс'тылизы* (Оз.) 'Круглая, как сушки, такая же она [, котреска], просто она п о т о л щ е, только из ржаной муки делали' (Карпова 2005 : 473); *а Киров-фской облас'ьн, с'эло Уний'ьн, отназ эшишо бо л'ш э г э с базар вал асламлэс'* (ВУн.) 'А в Кировской области, в селе Уни, там еще п о б о л ь ш е базар был, чем у нас' (ПМА); вч. *братэ з ө к к э с мынэс'тым* (Ван.) 'Брат мой с т а р ш е меня' (ПМА); *гордгриб со горт шл'апайо, а кыс'пу гриблэн ч у ж г э с шл'апэз и выжыэз вэчки* (СГыя) 'Подосиновик он с красной шляпкой, а у подберезовика ж е л т е е шляпа и ножка тонкая' (ПМА); нч. *Вал'а эшэ фэрмаын ужаз. со з ө г г э м мынэс'тым на го-да три* (Ок.) 'Моя подруга Валя на ферме работала. Она с т а р ш е меня на года три' (ПМА); *v i l' g e t na taiz kšete* 'Этот платок мой еще б о л е е н о - в ы й' (Тепляшина 1964 : 139).

В нижнечепецких говорах, в отличие от средне- и верхнечепецкого диалектов, сравнительная степень имен прилагательных и наречий, помимо *-гэс* и *-гэм*, выражается при помощи общепермского компаративного суффикса *-жык*: *умо-йжык* 'более лучше', *трö-сжык* 'больше', *өрö-джык* 'более хуже' Примеры: нч. *мынам аслам но домэ вуж ни, өрöd. а пийэ улэ Унийын ө р ö - д ж ы к домын* (Ас.) 'У меня и у самого дом старый уже, плохой. А сын мой живет в Унях в б о л е е х у д ш е м доме' (ПМА); *таис платтэ ч э б э - р ж ы к йалл'олэс'* (Ок.) 'Это платье мое к р а с и в е е прежнего' (ПМА). Следует отметить, что суффикс *-жык* имеет значение увеличения степени и употребляется в прилагательных, характеризующих предмет только по качеству.

3.2. Диалектные морфемы близки по звуковому составу, но фонетически не возводимы одна к другой. В большинстве северных диалектов, в частности в верхне- и среднечепецких говорах, в образовании деепричастий с временным значением функционирует суффикс *-ку*: вч., сч. *ужаку* 'когда работаешь', *мадыку* 'когда поешь; когда рассказываешь'. Примеры: сч. *дас ны-л'-а, ма-р-а, арэс вал, куискыны дышэтски. кут куыли, школайэ в э т л ы к у м* (Зол.) 'Четырнадцать лет, что ли, было, научилась я ткать. Лапти плела, к о г д а в школу х о д и л а' (Карпова 2005 : 96); *кулэм адамиэз йат'ньн ну ь к у, куйаско Шэл'эп куйан'ни нукэ* (Кыч.) 'К о г д а покойника в е з у т хоронить, совершают обряд задабривания [в месте под названием] Шеллеп куянни нюк' (Карпова 2005 : 330); вч. *почтаын у ж а к у м,*

каждой нунал Сыгайэ вэтлис'ко вал (Сыг.) 'Когда я работал на почте, каждый день ходил в Сыгу' (ПМА); *лыктыкумы гинэ, гурт доры вуэм бэрэ, вэрай н'и мон сойэ, тин', нэ, ычэ аэзи но* (СГыя) 'Возвращаясь обратно, дойдя до деревни, рассказала уже я об этом, вот, мол, такое мне привиделось' (ПМА). Лишь в некоторых населенных пунктах Кезского района (д. Сыга, с. Юски), относящихся к верхнечепецкому диалекту, наряду с обычным *-ку*, спорадически выступает и *-кы*: *мыныку ~ мыныкы* 'когда идешь', *ужаку ~ ужакы* 'когда работаешь' (Каракулов 1982 : 107). Примеры: вч. *война вылын с'икын у ж а к ы, с'ийон номыр ой вал, йормыса улим* (Юс.) 'Когда работали ('р а б о т а я') во время войны в лесу, еды никакой не было, в нужде жили' (ПМА); *сэрэ «на кашу» лыкто кэ дак калык, бёрыс' тин' вэчэрын, пинал п ы р т ы к ы, ут'алтис'кэ ни* (Сыг.) 'Затем если приходит народ «на кашу», потом вот на вечере, к о г д а к р е с т я т ребенка, угощают уже' (ПМА).

В нижнечепецких говорах, по материалам Т. И. Тепляшиной (1970 : 182) и нашим данным, в указанной функции единственно возможен суффикс *-кы*, представляющий собой более древнюю форму и характерный также для южноудмуртских, части срединных говоров и бесермянского наречия: *пыласькыкы* 'во время купания', *аракы* 'во время жатвы'. Примеры: нч. *аран'нис' лыктыкы м ми прик со прудын пуласкылим* (Сиб.) 'Возвращаясь с жатвы, мы всегда в той речке купались' (Золотарева 2000 : 65); *йэрмолэн шыдыкы, эктылызы ка-каждой домын* (Ом.) 'Когда играли на гармошке, плясали в каждом доме' (ПМА). По мнению исследователей (Бубрих 1948 : 70; Перевощиков 1959 : 70; Серебренников 1963 : 302; Кельмаков 1998а : 114), морфема *-ку* по происхождению вторична, возникла из формы на *-кы*, но не по фонетическим законам, а по аналогии с вопросительным местоименным наречием *ку?* 'когда'.

3.3. Выражение грамматического значения в разных диалектах посредством тождественных по происхождению морфологических средств, различающихся фонетическим составом в современном языке.

Примером служит пролатив существительных, который в северноудмуртской диалектной зоне имеет много фонетических вариантов: *-(э)ти*, *-(ы)ти*, *-(ы)т'*, *-(э)т'*, *-ки*. Для верхнечепецких говоров характерна тенденция к употреблению формантов *-эти ~ ти*: *улча(э)ти* 'по улице', *бакча(э)ти* 'по огороду'. Примеры: вч. *гу б э ч т и писай-а, ма-р-а, вэтлэ* (Алек.) 'В подполье кошка, что ли, ходит' (ПМА); *ба к ч а э т и пырын но уд бы-гат тон Иван динэ* (Пол.) 'По огороду и зайти не сможешь ты в дом Ивана' (ПМА). В нижнечепецких говорах используются *-ти ~ -эти ~ -ыти*: *улчат'и, улчээти* 'по улице', *коркат'и* 'по дому', *имыти* 'по небу'. Примеры: нч. *вэттэм с'урэсы т'и ик мыном кал'* 'Пойдем по той же дороге, где шли' (Тепляшина 1970 : 193); *ми сос'эдэным ко с'ак т'и гынэ вэраскиском* (Сиз.) 'Мы с соседом через окно только переговариваемся' (ПМА).

В среднечепецком диалекте показатели пролатива *-(э)ти*, *-(ы)ти*, *-(ы)т'*, *-(э)т'*, *-ки* употребляются по говорам не единообразно. В ярском и Глазовском говорах обнаруживаются все варианты показателя: *-(э)ти*, *-(ы)ти*, *-(ы)т'*, *-(э)т'*, *-ки*, юкаменскому говору свойственны варианты *-(э)ти*, *-(ь)ти*: яр., глаз. *улча(э)ти ~ улча(ы)ти ~ улча(э)т' ~ улча(ы)т' ~ улчаки*; юк.

ул'ча(э)т'и ~ ул'ча(ь)т'и 'по улице'. Примеры: сч. *ас поннамъ образ во-зискомъ ук. о б р а з ь т'и чэбэрэс пучьос тьрьском* (Ер.) 'Дома иконы ведь держим. Около икон ставим красивые вербовые ветки' (Карпова 2005 : 353); *ми вэтллим ч а ч ч э э т'и. ну мон ужал'лай мэ'л'ником но* (Байр.) 'Мы ходили на лесозаготовку ('в л е с у'). Ну я работал и мельником' (Карпова 2005 : 367); *лымы усиз ни, и лымы ки но озы вэтлisko тин' кутэн* (Ел.) 'Снег уже выпал, и по снегу так и вот хожу в лаптях' (Карпова 2005 : 429); *фэрмайэ мыни ба к ч а т', тин' забор вамэнки тэтси* (Оз.) 'На ферму пошла я по огороду, вот через забор перепрыгнула' (ПМА).

Показатель пролатива в ярском и глазовском говорах *-(ы)т' (-ь)т'* образовался из формы на *-(ы)т'и (-ь)т'и* путем выпадения конечного гласного *ы (ь)*. Вариант *-ки* произошел от суффикса *-т'и*, который в свою очередь – от локативного суффикса **-t* и локального суффикса **-i* (Wichmann 1923–1924 : 158–159; Uotila 1933 : 101; Tauli 1956 : 206; Korhonen 1991 : 169).

3.4. Выражение грамматического значения морфологическими средствами разного характера в одних диалектах и синтаксическими — в других.

3.4.1. Для образования существительных со значением места действия в отдельных северных диалектах, в частности, среднечепецком, нижнечепецком и кезском говоре верхнечепецкого диалекта, широко используется специфический суффикс *-ни*, присоединяемый к отглагольным существительным на *-(о)н*: *улон'ни* 'место жительства', *шутэтскон'ни* 'место отдыха; место, где отдыхают', *к'олон'ни* 'место для ночлега; место, где спят', *турнан'ни* 'место косьбы; место, где косят'. Примеры: сч. *ой, турнаны кы-цы вэтлыскиз, т у р н а н'ни ук тырмы вал* (Зол.) 'Ой, куда только не ходили косить, мест для покосов не хватало' (Карпова 2005 : 103); нч. *в ө с а с к о н'ни мы вал кызйос п'лын. пэпэсйос тодо на со мэстазэ* (Свет.) 'Место молени я было среди елей. Дедушки еще помнят то место' (ПМА); кез. *нылмылэн дышэтскон'ни эз кыдокын өвөл, Пэрмын, на апт'эк дышэтскэ* (СГыя) 'У дочери нашей место учебы недалеко, в Перми, на аптекаря учится' (ПМА). По мнению некоторых исследователей (Вахрушев 1959 : 235; Тепляшина 1970 : 168), суффикс *-ни* восходит к *инты* 'место' и образовался в результате отпадения конечного *-ты*. Не отрицая вероятность такого происхождения, мы считаем возможным возведение этого суффикса к слову *ин* 'место': как полагает С. А. Максимов (1998 : 42), *-ни* возник из *ин-* вследствие метатезы. В кезском говоре верхнечепецкого диалекта, наряду с формами на *-ни*, в той же функции спорадически встречается словообразовательный элемент *-ти*, идентичный по значению суффиксу *-ни*: *ужан'ни* 'место работы; место, где работают', *вэтлон'ни* 'место, где ходят': вч. *эм э з' а н т и тат трос, ва-нмызлы эмэзэз окмэ.* (Сыг.) 'Место, где растет малина, здесь много, всем хватает малины' (ПМА); *пимы Кэзын улэ, у ж а н т и э з солэн зэч* (Сыг.) 'Сын наш в Кезу живет, место работы у него хорошее' (ПМА).

Дебесскому говору верхнечепецкого диалекта для выражения места действия свойственно использование только синтаксической конструкции — отглагольное существительное + *мэста* (< рус. место): *улон*

мэста 'место жительства', *аран мэста* 'место жатвы'. Примеры: *деб. ш у д о н м э с т а м ы н о в а л д э р э в њ ы н , г а р м о њ и ц и к њ о с м ы н о в а л* (Кот.) 'И место для и гри щ было в деревне, и гармонисты были' (ПМА); *мон тил'эддыс пырто, кыччы кулэ. к њ л о н м э с т а н о ш э д о з* (Тыл.) 'Я вас заведу, куда нужно. И место для н о ч л е г а найдется' (ПМА). В данном случае северноудмуртские диалекты различаются по употреблению специфических морфем в одних диалектах (средне- и нижнечепецкий диалекты и кезский говор верхнечепецкого диалекта) и функционально соответствующих им служебных слов в других (дебесский говор верхнечепецкого диалекта).

Из других удмуртских диалектов суффикс *-ни* отмечается в берсермянском наречии (Кельмаков 1998 : 126), в нескольких словах кукморского диалекта (Кельмаков 1971 : 26), в форме *-ни* в некоторых говорах средневосточного диалекта (Бушмакин 1969 : 61—62). Словообразовательный элемент *-ти* широко представлен в средневосточных и прикильмезских говорах (Бушмакин 1969 : 61—62; Загуляева 1980 : 106). В остальных удмуртских диалектах для выражения места действия используется синтаксическая конструкция — отглагольное существительное на *-(о)н* + послелог *инты* или *мэста* 'место'.

3.4.2. В средне- и нижнечепецком диалектах для выражения приблизительно-местных отношений (см. 1.1) возникла серия новых приблизительно-местных падежей с элементом *н'*. В верхнечепецком диалекте аналогичные падежные формы отсутствуют: им соответствуют конструкции с послелогам, образованными от основы *дин-* 'у, около, возле, при', ср. например: сч., нч. *эшэзнэ*, вч. *эшэз динэ* '[в дом] к своему другу'; сч., нч. *эшэзныс'*, вч. *эшэз диныс'* '[из дома] своего друга' Примеры: сч. *мужикэ кулиз но, н ы л ы н а м у л ы с к о њ и к ы к т э т и а р з э , т а н к ы к а р л у о з* (Ер.) 'Мой муж умер, и [в доме] у дочери с в о е й второй год живу, вот два года будет' (ПМА); нч. *милэм, гылък, с о с э д н ы с' й њ л потто, с ы к а л з ы в а н' с о о с л э н* (Бур.) 'Нам, голубушка, о т с о с е д а молоко приносят, корова есть у них' (ПМА); вч. *Вэликтэмэ к и р о с м а м э д и н э в ы л х а л а т д у р э в ы ж и с к о в а л м о н* (Нюр.) 'В Пасху в дом к крестной за новым халатом ходила я' (ПМА).

4. Плеонастическое сочетание морфем для усиления одного и того же значения

В северной диалектной зоне этот тип представлен несколькими случаями.

4.1. Редупликация суффикса в одних диалектах при отсутствии ее в других. В речи носителей ниже- и среднечепецкого диалектов, особенно глазовского говора, для усиления кратности суффикс многократного вида *-л'ла-* может редуплицироваться, например: *вэраллалл'лань* 'говорить (неоднократно)', *гожйаллалл'лань* 'писать (неоднократно)'. Примеры: сч. *мон п'утън но трос у ж а л л а л л а й* (Люм) 'Я на железной дороге также р а б о т а л а н е о д н о к р а т н о' (ПМА); *в э р а л л а л л а з в а л д э д у ш э к о л к о з э п р э м э з с а р ь с'* (Кож.) 'Р а с с к а з ы в а л н е о д н о к р а т н о мой дедушка о том, как вступил в колхоз' (ПМА). Разница в употреблении двух суффиксов в указанных диалектах про-

является в том, что глаголы с *-л'лал'ла-* выражают действие, совершающееся неоднократно и непостоянно (с перерывами), а с *-л'ла-* — действие многократное и постоянное. Таким образом, в средне- и нижнечепецких говорах разграничивается значение видов глагола за счет употребления одного суффикса: в одном случае с одним *-л'ла-*, в другом с двойным *-л'ла-*. В верхнечепецком диалекте подобное явление не наблюдается, за исключением северо-западного куста кезского говора, соседствующего со среднечепецкими говорами.

4.2. Комбинация суффиксов различной формы и разного происхождения, но с идентичным значением.

4.2.1. Аккузатив личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в удмуртских диалектах представлен несколькими вариантами показателей. В южноудмуртских и части срединных говоров это стандартный суффикс *-ыз*. В северной диалектной зоне оформление аккузатива этих местоимений не единообразно. Верхнечепецкие говоры тяготеют к показателю *-ды* (*мил'эмды* 'нас', *тил'эдды* 'вас'), лишь в говорах отдельных населенных пунктов Кезского и Дебесского районов спорадически встречаются *-дыс* (*мил'эмдыс*, *тил'эддыс*) и *-эсты* (*мил'эмэсты*). В нижнечепецких говорах, по данным Т. И. Тепляшиной и Т. М. Золотаревой, функционирует суффикс *-эс*: *милемес* (*мил'эмэс*) / *млэмэс* 'нас', *тил'эдэс* (*тил'эдэс*) / *тл'эдэс* 'вас' (Тепляшина 1970 : 175; Золотарева 2000 : 37—38). Во время экспедиции к нижнечепецким удмуртам в 2014 году в косинской группе говоров нами выявлен показатель *-эсты*. В говорах среднечепецкого диалекта употребляются пять форм с *-ды(-дь)* / *-эс* / *-эсты(-эсть)* / *-эсть* / *-дыс*. Примеры: вч. *аскыаз ми л'эмды турын чэрэдны ысти-зы вал, нош кйазэд зорны өддэз* (Юс.) 'На завтра нас отправили сено убирать, а дождь пошел' (ПМА); *олокы-з'ы, вылды, вös'ас'кылызы, мон пыт-сас'ко сопалаз но, ми л'эмэсты уг лэ-з'о оцы* (Ключ.) 'Как-то, видимо, они молились, а я закрывала [дверь] с той стороны, нас не пускали туда [на молебен]' (ПМА); нч. *бэрог дурыс'эн ми л'эмэс адзиз пэпэс'мы* (Свет.) 'У берега нас увидел наш дед'; сч. *тат'эн тил'эдэсты но-кин уз и-са* (Гул.) 'Здесь нас никто не тронет' (ПМА); *ул'чайэ но ми л'эмды со өз лэ-з'ъл. гурт'эн гинэ шуд'лим кожамъ* (ВБог.) 'Даже на улицу нас он [отец,] не пускал, дома только играли мы сами по себе' (Карпова 2005 : 142); *нача-л'никйос вы-шэ-вы-шэ ми л'эмэс каро вал* (Зол.) 'Начальство [колхоза] всё больше нас ценило' (Карпова 2005 : 101); *вэрал'ла-мзы вулы: «татыс'эн тулыз вудэ нуит кэ, ми л'эмдыз вунэтыса эн кэлты. зэч зорэн лы-кты мил'ам дорамы и дырыз дырйа, йумэс калтыны мэд быгатом, пудо-животмэс но возыны мэд быгатом»* (Жоч.) 'Обращались к воде (говорили воде): «Когда отсюда унесешь весеннюю воду, не забудь нас. Хорошим дождем приходи к нам и вовремя, чтобы (пусть) хлеб мы смогли убрать, чтобы (пусть) скот могли держать»' (Карпова 2005 : 215); *тин' йэгит кал'кэз ми л'эмйостъ со чйчээ чорйал'ла-зъ* (Пыш.) 'Вот молодых людей нас всё на лесозаготовку ('в лес') отправляли' (ПМА).

Несомненно, суффиксы с опорными и согласными *-т (-д)* и *-с (-з)* восходят к прапермскому периоду, поскольку имеют широкое распространение во всех пермских языках и диалектах (Федюнева 2008 :

64). Развитие показателя *-эс* в северноудмуртских диалектах, по-видимому, можно представить следующим образом: в силу ассимилятивных процессов гласный *ы* показателя аккузатива *-ыз* уподобился предшествующему гласному *э*, в результате имеем *-эс*: *мил'эмэс* < *мил'эмьз* 'нас', *тил'эдэс* < *тил'эдьз* 'вас'. Показатели *-ысты(-ьсты)*, *-эсть* представляют собой контаминацию показателей аккузатива южных говоров *-ыз* (в описываемых диалектах он чаще выступает как *-эс*) и северных говоров *-ты*: *мил'эмьсть* < *мил'эмьз* + *ть*, *мил'эмэсть* < *мил'эмэз* + *ть* 'нас'; *тил'эдьсть* < *тил'эдьз* + *ть*, *тил'эдэсть* < *тил'эдэз* + *ть* 'вас'. В юкаменском и дебинском говорах среднечепецкого диалекта спорадически встречаются формы *мил'эсть*, *тил'эсть* как результат стяжения *мил'эмэсть*, *тил'эдэсть*. Суффикс *-дыс* также образован плеонастическим сочетанием двух указанных суффиксов, но в ином расположении: *-дыс* (< *-ды* + *-ыз*). Аналогичный суффикс отмечается и в прикильмезских срединных говорах (Загуляева 1980 : 107). Кроме того, в юкаменском говоре среднечепецкого диалекта и в новоунтемском говоре верхнечепецкого диалекта в единичных случаях нами зафиксированы любопытные формы аккузатива — *мил'эмйость* (Пыш.) и *мил'амйосты* (Ключ.), где стандартный северноудмуртский суффикс *-ты* осложнен суффиксом множественного числа *-йос*. Подобный способ образования аккузативных форм встречается и в коми-зырянских диалектах (Федюнева 2008 : 63).

4.2.2. В северных диалектах встречается плеонастическое сочетание двух компаративных суффиксов из трех — *-гэс*, *-гэм*, *-жык*. Совместное употребление *-гэсгэм* или *-гэмгэс* нами зафиксировано в некоторых населенных пунктах понинского подговора среднечепецкого диалекта и в унинском говоре нижнечепецкого диалекта в речи отдельных представителей старшего поколения. Такое выражение сравнения в основном служит усилению степени качества предметов и явлений, например: сч. *таис палэзэд, оло, г о р д г э с г э м шулэс но* (Ис.) 'Эта рябина, пожалуй, краснее и калины' (ПМА); *бырат'госы пöлыс кара-ктэрэныз зэчгэмгэс с'эн'амы* (Ук.) 'Из братьев моих характером лучше Сеня' (ПМА); нч. *нэвэста понна мынэ пон'эвэ-сн'ишца. суанлэс' ж о ж г э м г э с крэз сокы кыр'нало* (Ок.) 'За невестой едет сваха. По сравнению со свадьбой более грустные песни тогда поют' (ПМА). Подобное образование сравнительной степени отмечается и в средневосточных говорах (Бушмакин 1969 : 63).

В нижнечепецких говорах, по материалам Т. И. Тепляшиной и нашим данным, формы компаратива с суффиксом *-жык* могут сочетаться с суффиксами *-гэм*, *-гэс*. При этом суффикс *-жык*, как правило, следует после *-гэм* или *-гэс* и служит также для усиления значения, выраженного формой сравнительной степени. Примеры: нч. *курткалы й у н г э · м ж ы к плашка кулэ вал, таиз тан' вэчки* (Берез.) 'Для куртки более крепкую пуговицу бы надо, эта вот тонкая' (ПМА); *мынам то-жэ ўан' Би-бл'ийэ. со кызгэм талэс. да л'э-кчэ лыдданы кы з г э · м ж ы к Би-бл'ийэз, со об'яснит' карэмын отын* (Ас.) 'У меня тоже есть Библия. Она толще этой. Да легче читать более толстую Библию, всё объяснено там' (ПМА).

4.3. Контаминация двух суффиксов разного происхождения и возникновение на этой основе третьего.

4.3.1. Широко распространенный в диалектах деепричастный суффикс *-тоз'* в северноудмуртских диалектах встречается в нескольких фонетических вариантах. К примеру, в среднечепецких говорах, как правило, функционирует показатель *-ччоз'*: *кутскъччоз'* 'до начала; до того как начать; пока начинаешь', *пъръччоз'* 'до входа; до того как зайти; пока заходишь'. Примеры: сч. *чүкна, пастуханы мьныччоз'ышна, Л'уба эшишо ыж пискалтыны вэтлылиз* (Ел.) 'Утром, еще до того как пойти пастушить, Люба еще овец ходила доить' (Карпова 2005: 427); *армийэ мьныччоз'но, мон ко-нукын ули* (Кельд.) 'И до того как идти в армию, я конюхом работал' (Карпова 2005 : 169).

Для верхнечепецких говоров характерно употребление двух суффиксов: *-ччоож* и *-тоз'*. Первый распространен в кезском говоре и в северной части ареала дебесского говора. В остальной части ареала параллельно употребляются оба суффикса *-ччоож* и *-тоз'*. Примеры: кез. *скалкыскыччоожам, магазинэ вэтлыны вуэм ни со* (Пол.) 'Пока я доила корову, он успел уже сходить в магазин' (ПМА); деб. *турна ччоожаз кўазэд кык пол но, кўин' пол но зориз* (Кот.) 'Пока он косил, и два, и три раза шел дождь' (ПМА); *кõлыны выдыччоож, ван' ужмэ быдтоно* (СКыч.) 'До того как лечь спать, надо все дела сделать'; *вуэз бырытоз' пõстиско грэ-чнэвой жукмэ. сэрэ шобыртиско на вылтиз маин кэ* (Тыл.) 'Пока не выкипит вода, варю гречневую кашу. Затем укрываю сверху еще чем-нибудь' (ПМА). Кроме того, в говорах северо-западной части Кезского района (гыйнский, александровский, пажманский кусты), соседствующих со среднечепецкими говорами, функционирует *-ччоз'*. Пример: *нулэскыс' бэртыччоз'амы, кўазмы зорэмыс' дугдиз* (Паж.) 'Пока возвращались из леса, дождь перестал идти' (Белослудцева 2009 : 57).

В нижнечепецких говорах, по нашим данным, употребляется и вариант *-ччоз'*. Примеры: нч. *уммэз тырыччоз', со писай кыл'лэ* (Сиз.) 'До тех пор пока не выпится, эта кошка лежит' (ПМА); *пэнзийэ потыччоз'аз, ужакыз, со õз йуы-лы* (Ок.) 'До выхода на пенсию, когда работал, он не пил' (ПМА). Следует отметить, что в материалах Т. И. Тепляшиной этот суффикс представлен в варианте *-ччозь*: *зорычозь* 'во время дождя; пока идет дождь'; *вераськычозь* 'в процессе разговора' (Тепляшина 1970 : 182).

Суффикс *-ччоож* исследователи (Перевощиков 1959 : 76, 77; Серебренников 1963 : 306) склонны возводить к послелогу *чож* или *чоже* 'в течение'. Что касается показателя *-ччоз'*, то этот суффикс, по мнению В. К. Кельмакова (1998 : 158), возник в результате контаминации *-тоз'* и *-ччоож* (*-ччож*).

4.3.2. В отдельных населенных пунктах ярского и глазовского говоров среднечепецкого диалекта, наряду с суффиксом *-алэс*, используется его фонетический вариант *-галэс*, возникший в результате контаминации суффиксов с модеративным значением *-гэс* и *-алэс* (*-галэс* < *-гэс* + *-алэс*): *гордгалэс бамъз* (Кож.) 'красноватое у него лицо', *чырсгалэс с'укас'* (Байд.) 'кисловатый квас', *пурь-сгалэс плат'та* (Пус.) 'сероватое платье'. Пример: *давлэннэз, вылды, зõк мужикэлэн, г о-р д г а л э с бамыз но улэ* (Кож.) 'Давление, видимо, высокое у мужа моего, и лицо

к р а с н о в а т ы м держится у него' (ПМА). По устному сообщению С. А. Максимова, формант *-галэс* встречается и в закамских периферийно-южных говорах.

4.3.3. Во время экспедиций к среднечепецким удмуртам в некоторых населенных пунктах, в частности, Байдалино, Мосеево Ярского района, Пущур, Отогурт, Абагурт Глазовского района, наряду с *-пыр*, нами выявлен фонетический вариант *-прэс*: *во-шпрэс кышэт* 'зеленоватый платок', *чы-рспрэс шыд* 'кисловатый суп'. Он образовался сочетанием умеративного суффикса *-пыр* и словообразовательного *-эс* (в *-пыр* выпал гласный *ы*). Примеры: сч. *мйы адамилэс' ымнырзэ лы-спрэс кышэтэз эшишо мкйымытэ* (Байд.) 'Лицо старого человека с и н е в а т ы й платок еще [больше] старит' (Карпова 2011 : 26); *тан' кэн'рэрэ б'риз но, ч'р-спрэс нанэн кал' судиско тутуосмэ* (Кож.) 'Вот крупа закончилась, и к и с л о в а т ы м хлебом сейчас кормлю цыплят' (Карпова 2011 : 26). В других удмуртских диалектах, в частности срединных говорах и южных диалектах, этот суффикс не зафиксирован.

5. Различия, связанные с несовпадением фонемного состава основы, а также с разным порядком сочетания служебных морфем

5.1. В большинстве удмуртских диалектов номинатив усилительно-личных местоимений множественного числа образуется присоединением к основе *ас'*- показателей *-мэ*, *-тэ*, *-сэ*, представляющих собой варианты притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа и суффикса множественного числа существительных *-ос*: *ас'мэос*, *ас'тэос*, *ас'сэос*. В севернoudмуртских диалектах встречаются три варианта чередующихся основ: *ач-*, *ас'*, *ас-*, к которым присоединяются те же лично-притяжательные суффиксы и показатель множественного числа. Однако вследствие определенных фонетических преобразований эти местоимения получили несколько иное фонетическое оформление. Для среднечепецких говоров наиболее характерны формы *ачимэс* 'мы сами', *ачидэс* 'вы сами', *ачизэс* 'они сами', лишь sporadически встречаются *ас'мэс*, *ас'тэс*, *ас'сэс*. Примеры: сч. *валло вуз магазинэ ачи зэс ворттылы-зы, со бытса мэшокйосты жоктылим, о-стэ инмарэ-к'уазэ!* (Чар.) 'Раньше товар в магазин о н и с а м и возили, такие мешки мы разгружали, боже мой!' (ПМА); *кол'лэкт'ивизация кутскэм бэрэ кал'к'лэс' окти-зэ кэносйоссэс, гитк'уазэс: общ-эствэнной йу-нан' воз'нэ но живот ворд'нэ-будэт'нэ. уз'рйос' ос кэ ачи зэс со-т'лэ, ба-ст'лы-зэ йуатэк* (Кыч.) 'Когда началась коллективизация, у людей отобрали амбары, надворные постройки: хранить общественное зерно и содержать скотину. Если богатые с а м и о н и не отдавали, отбирали без спроса' (ПМА). Для нижнечепецких говоров характерны формы *ачимэс/ачымэс*, *ачидэс/ачыдэс*, *ачизэс/ачы-зэс*. Примеры: нч. *ачыдэс ти тотско-ды со зэч* 'В ы с а м и всё хорошо знаете' (Тепляшина 1970 : 193); *гур ачимэс эстылиско-мы, газмы' ов'ол эшишо* (Берез.) 'Печь м ы с а м и топим, газа у нас нет еще' (ПМА).

В верхнечепецких говорах функционируют параллельно *ас'мэс* ~ *асмэс*, *ас'тэс* ~ *ассэс*, *ас'сэс* ~ *ассэс*. В полемском говоре sporadически встречаются и *ачмэс*, *ачтэс*, *ачсэс*, в гыинском — *ачимэс*, *ачи-*

дэс, ачизэс. Примеры: вч. *война вылын ми а с м э с кышноос гырим но, кизим но, арам но* (Зяз.) 'Во время войны мы сами женщины и пахали, и сеяли, и жали' (ПМА); *йаллан вэт фэрмын дойаркаос а с с э с пыз пыртылызы* (СГыя) 'Раньше ведь на ферме доярки они сами муку затаскивали' (ПМА); *ачимэс ми частушки но сочинат карылим, кин кытыс пэснаосты тодылоз вал, соосты дышэтылим, мабылим, тэччаллам* (СГыя) 'Мы сами и частушки сочиняли, кто откуда песни услышит, их учили, пели, плясали' (ПМА).

Среднечепецкие формы *ачимэс, ачидэс, ачизэс* и верхнечепецкие *асмэс, астэс, ассэс* встречаются и в кукморском и некоторых других южноудмуртских говорах (Кельмаков 1998 : 136–137). В бесермянском наречии параллельно употребляются *асмес ~ ас^омес, аstes ~ ас^оdes, аsses ~ ас^оzes* (Тепляшина 1970а : 187). Относительно происхождения чередующихся основ *ач-, ас-, ас-* усилительно-личных местоимений мнения исследователей расходятся. Б. А. Серебренников (1963 : 201) полагает, что исходной является *ас-*. По мнению Ш. Чуча, первичны *ач- ~ ас-*, восходящие к финно-угорскому языку-основе, а *ас-* представляет собой фонетический вариант основы *ас-* (Csúcs 2005 : 236). Верхнечепецкие местоимения *асмэс ~ асмэс, астэс ~ астэс, ассэс ~ ас-сэс* – это стяженные формы соответствующих местоимений *асмэос ~ асмэос, астэос ~ астэс, ассэос ~ ассэс*. Нижнечепецкие лексемы *ачымэс, ачидэс, ачизэс* образованы присоединением к местоимениям *ачымэ, ачидэ, ачизэ* (элементы *-мэ, -тэ, -сэ* – варианты притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа) показателя множественного числа *-ос*. В результате выпадения гласного *о* показателя множественного числа имеем стяженные формы *ачымэс < ачымэ + ос, ачидэс < ачидэ + ос, ачизэс < ачизэ + ос*. Аналогично возникли, как мы полагаем, среднечепецкие *ачимэс, ачидэс, ачизэс*: *ачимэс < ачимэ + ос, ачидэс < ачидэ + ос, ачизэс < ачизэ + ос*.

5.2. В северноудмуртских диалектах оформление генитива множественного числа усилительно-личных местоимений не единообразно. В среднечепецких говорах данный падеж выступает в двух параллельных формах: *асламълэн* и *асмэлэн, асладълэн* и *астэлэн, аслазълэн* и *ассэлэн*. В верхнечепецких говорах представлены *асмэлэн* (*асмэлэн, ачимэлэн, аслам*), *астэлэн* (*астэлэн, аслад*), *ассэлэн* (*ассэлэн, аслаз*). В нижнечепецких говорах зафиксирована лишь форма *аслам* (Тепляшина 1970 : 175; Золотарева 2000 : 38). Среднечепецкие и верхнечепецкие варианты *асмэлэн, астэлэн, ассэлэн* совпадают с литературным языком. Среднечепецкие *асламълэн, асладълэн, аслазълэн* образованы присоединением падежного показателя *-лэн* к генитиву множественного числа. Местоимение *ачимэлэн* sporadически встречается в отдельных говорах верхнечепецкого диалекта, в частности, в языке удмуртов деревень Пажман (Белослудцева 2009 : 45) и Старая Гыя Кезского района. Следует отметить, что во 2-м и 3-м лице в этом говоре формы местоимения с древней основой *ач-* не зафиксированы. В нижнечепецких говорах генитив множественного числа *аслам* совпадает с генитивом единственного числа. Примеры: сч. *асламълэн кондонмь окми-з-а билэтль?* (Пыш.) 'У нас самих денег хватило на билеты?' (ПМА); *Тан'аослэн а с с э л э н мушь йан'* (Ер.) 'У [семьи] Тани у самих пчелы есть' (ПМА); *асмэлэн съкалмь öвöн,*

сосэд'д'ослэс коза йёл ворттьёском (Нел.) 'У нас самих коровы уже нет, от соседей козье молоко приносим' (ПМА); вч. *тил'ад а ст э - л э н бэн сэмйады ван-а?* (Алек.) 'У нас самих-то семья есть ли?' (ПМА); *а с л а м татын вал'ло лэспромхоз вал* (Бун.) 'У нас самих раньше здесь леспромхоз был' (ПМА); нч. *вэздэ а с л а м пуосмы лошйа'ско* (Ас.) 'Везде наши дрова валяются'; *соослэн а с л а з машинаоссы но кык* (Берез.) 'У них самих и машины две' (ПМА).

5.3. В северноудмуртских диалектах датив усилительно-личных местоимений множественного числа также отличается разнообразием форм. В среднечепецких говорах во всех лицах его выражают следующие формы: *ачимэсэль, аслэмьль* и *аслэм* 'нам самим', *ачидэсэль, аслэдьль* и *аслэд* 'вам самим', *ачизэсэль, аслэзьль* и *аслэз* 'им самим'. В нижнечепецких говорах распространение получили *аслэм, аслэд, аслэз*, в верхнечепецких встречаются *асмэлы* и *асмэлы, астэлы* и *астэлы, асэлы* и *ассэлы*. Помимо того, в говоре деревни Пажман зафиксирована форма с древней основой *ач-*, выступающая только в 1-м лице: *ачимэлы* (во 2-м лице — *астэлы*, в 3-м лице — *ассэлы*) (Белослудцева 2009 : 45). Примеры: нч. *а нылмы вускароннын ужа, а с л э м нан' но вайэ. йун чэскыт нанзы* (Ом.) 'А дочь наша в магазине работает, нам ('нам самим') и хлеб приносит. Очень вкусный у них хлеб' (ПМА); сч. *бакчайэн кал' турскэ кэнэ, бакча со тьрэмын, чи-сто фса-ко тьриз. а ч и з э с э л ь кварти-ра сотэмн зэч* (Штан.) 'Огородом теперь занимается сноха, огород весь засажен, всякие [овоци] посадила. И м с а м и м квартиру дали хорошую' (ПМА); *а с л э м ь л ь туннэ атсконо вал* (Пыш.) 'Нам ('нам самим') сегодня нужно было бы встретиться'; *пинал'лосль а с л э с соти-зь кондонзэс* (Ер.) 'Детям самим выдали деньги' (ПМА); вч. *а с м э - л ы, пэрэсийослы, ма мэдам кулэ на?* (Сыг.) 'Нам самим, старику, что же еще нужно?' (ПМА); *а с т э л ы придо-цца вэтлын шко-лэ* (СГыя) 'Вам самим придется сходить в школу' (ПМА); *дойаркаос йун шу-мпотизы: а ч и м э л ы, нылы, пэ, ву шунтыны сра-зу вуид* (Паж.) 'Доярки очень обрадовались: нам самим, дочка, мол, воду греть сразу пришла ты' (Белослудцева 2009 : 45).

Среднечепецкие местоимения *ачимэсэль, ачидэсэль, ачизэсэль* образованы присоединением падежного показателя *-ль* к основе множественного числа *ачимэс, ачидэс, ачизэс*. Гласный *э* возник, по-видимому, для устранения стечения согласных. Формы *аслэмьль, аслэдьль, аслэзьль*, в средне- и нижнечепецком диалектах, вероятно, образованы по схеме: основа *ас-* + форматив *-ла*, видоизмененный в *-лэ* + притяжательные суффиксы *-мь-*, *-дь-*, *-зь* + падежный показатель *-ль*. Местоимения *аслэм, аслэд, аслэз* представляют собой усеченные формы датива от местоимений *аслэмьль, аслэдьль, аслэзьль*. Верхнечепецкие местоимения *асмэлы, астэлы, асэлы* совпадают с литературной формой и образованы присоединением к соответствующим основам множественного числа (*асмэ-, астэ-, асэ-*) суффикса датива падежа *-лы*. Форма *ачимэлы*, зафиксированная в говоре д. Пажман, возникла путем присоединения к основе местоимения 1-го лица множественного числа *ачимэ* падежного показателя *-лы*.

5.4. Инструменталь личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в говорах южной диалектной зоны в отдельных срединных

говорах представлен достаточно однородно и образуется присоединением к основе номинатива стандартного суффикса *-эн*: *монэн* 'со мной', *тонэн* 'с тобой'. Особые формы этот падеж имеет в северноудмуртских диалектах, в которых падежный показатель осложнен притяжательным суффиксом: *монэным* '(со) мною', *тонэныд* '(с) тобою'. Примеры: вч. *мар бэн тон вэраскод ни монэным?* (БУн.) 'О чем же ты будешь беседовать с о м н о й?'; *асмэс тонэныд али та ныйослы зэч-зэч кырзанийос кырзалом* (Юс.) 'Мы с т о б о й сейчас этим девушкам хорошие песни споем'; сч. *ой, бэн экэ монэным, крол'иклэн нырыз, пый, кочышлэн кад' но* (Ел.) 'Ой ведь, беда с о м н о й, кроличий нос-де как у кошки'; *олайэ нылы, тон но лы-кты, йа-а, йу-ртты, чоч ко-па, чоч тонэныд копаском вал картош!* (Байд.) 'Оленька, доченька моя, ты тоже приходи, ладно, помоги, вместе со мной копай, [раньше] вместе с т о б о й копали картошку!'

В унинском говоре нижнечепецкого диалекта, наряду с расширенным вариантом, отмечается неосложненная форма инструментал: *монэн* ~ *монэным*, *тонэн* ~ *тонэныд*. Примеры: нч. *монэн огарэс та Анна, Кировын улэ* (Берез.) 'С о м н о й одного возраста эта Анна, в Кирове живет' (ПМА); *тознал пийэ соослы горбыл вайиз, монэным но вэраскиз* (Пес.) 'Позавчера мой сын им горбыли привез, с о м н о й тоже договорился' (ПМА). Соответствующие расширенные формы местоимений *монэным*, *тонэныд* функционируют также в соседнем бесермянском наречии (Тепляшина 1970а : 183) и в отдельных средневосточных говорах удмуртского языка.

5.5. В большинстве удмуртских диалектов инструментальные формы множественного числа местоимений 1-го и 2-го лица выступают в виде *милэмын* 'с нами', *тилэдын* 'с вами'. В северноудмуртских диалектах соответствующие местоимения функционируют в нескольких вариантах, впрочем, достаточно ясных по образованию. В среднечепецких говорах наиболее стабильны *милэмын/милэмэн*, *тилэдын/тилэдэн*, для верхнечепецкого диалекта характерны *милэным/милэнымы*, *тилэныд/тилэныды*. В нижнечепецких говорах, как свидетельствуют наши данные, представлены формы *милэмэн*, *тилэдэн*. Средне- и нижнечепецкий показатель *-эн* в формах *милэмэн*, *тилэдэн*, *млэмэн*, *тлэдэн* возник в результате ассимилятивного явления, когда гласный *ы* показателя инструменталю *-ын* уподобляется предшествующему э: *милэмэн* < *милэмын*, *тилэдэн* < *тилэдын*. Верхнечепецкие формы *милэным/милэнымы*, *тилэныд/тилэныды* отличаются от форм большинства удмуртских диалектов иным расположением компонентов показателя инструменталю: если в последних он представлен комбинацией лично-притяжательного суффикса множественного числа и падежного показателя, то в верхнечепецких говорах составляющие выступают в иной последовательности — падежный показатель *-эн* + лично-притяжательный суффикс единственного или множественного числа *-м* (*-мы*), *-д* (*-ды*). Примеры: сч. *милэмэн кэчэвъл улоз кэнлэн сэстрайэз* (Аз.) 'Наискосок нам ('с н а м и') живет сестра моей снохи' (ПМА); *мъньм тилэдън йун инт'эрэ-сно вэраскънь, ко-т'ма ти тодиско-дъ* (Пыш.) 'Мне с в а м и очень интересно беседовать, всё вы знаете' (ПМА); вч. *ук по-ты вал, ук по-ты вал ёрыс' вуэз йуэмэ, ук по-ты вал, ук по-ты вал тилэныд л'укис'кэмэ* (Ключ.) 'Не хотелось, не хо-

телось из речки (из русла) воды попить, не хотелось, не хотелось мне с в а м и расставаться' (ПМА); *мон туж возда'скиско улэмэлэс, коркаэ но вуж, м и л'э н ы м ы, пый, улэмды но ус пот тил'ад* (Пол.) 'Я очень стесняюсь, как живу, и дом у меня старый, с н а м и, может, и не захочется вам жить' (ПМА); нч. *т и л'э д э н дотоо вз'с'эло вал мыным* (Пес.) 'С в а м и очень весело было мне' (ПМА); *к'йин' пол айымы кышнойа'с'кылиз, м и л'э м э н бо'лно-то өз вз'рас'кылы* (Свет.) 'Три раза наш отец женился, с н а м и больно-то не советовался' (ПМА). Подобным образом инструментальные формы образуются с помощью лично-притяжательных суффиксов в бесермянском наречии (Тепляшина 1970а : 185), а также в удорских и ижемских коми диалектах (Федюнева 2008 : 65).

Таковы вкратце некоторые отличительные явления в морфологии североудмуртских диалектов. Заметим, что в большинстве своем различия носят фонетический характер. Как показывает изложенный материал, морфологические различия обнаруживаются прежде всего между нижне- и среднечепецкими говорами, с одной стороны, и верхнечепецкими, с другой. Наличие в нижне- и среднечепецких говорах общих черт, которые не отражены в верхнечепецких говорах, в определенной мере обусловлено историческими причинами: среднечепецкие и нижнечепецкие более продолжительно контактировали между собой, чем с верхнечепецкими удмуртами. Общность некоторых явлений может быть вызвана и взаимовлиянием диалектов в результате миграции их носителей.

Address

L. L. Karpova

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences

E-mail: karpovalud@rambler.ru

Сокращения

Удмуртские диалекты и говоры: **вч.** — верхнечепецкие говоры (верхнечепецкий диалект), **глаз.** — глазовский говор среднечепецкого диалекта, **деб.** — дебесский говор верхнечепецкого диалекта, **кез.** — кезский говор верхнечепецкого диалекта, **нч.** — нижнечепецкие говоры (нижнечепецкий диалект), **сч.** — среднечепецкие говоры (среднечепецкий диалект), **юк.** — юкаменский говор среднечепецкого диалекта, **яр.** — ярский говор среднечепецкого диалекта.

Населенные пункты: верхнечепецкий диалект: **Алек.** — д. Александрово, **Ар.** — д. Ариково, **Бер.** — д. Березовка, **БУн.** — д. Большой Унатем, **Ван.** — д. Ванялуд, **Зяз.** — д. Зязьгор, **Ключ.** — д. Ключи, **Кот.** — д. Котегурт, **Нюр.** — д. Нюровай, **НТыл.** — д. Нижний Тыловай, **Паж.** — д. Пажман, **Пол.** — с. Поллом, **СГыя** — д. Старая Гыя, **СКыч.** — д. Старый Кыч, **Сыг.** — д. Сыга, **Тол.** — д. Тольен, **Тыл.** — с. Тыловай, **Юс.** — с. Юски; **нижнечепецкий диалект:** **Ас.** — д. Астрахань, **Берез.** — д. Березник, **Бур.** — д. Бурсино, **Ок.** — пос. Октябрьский, **Ом.** — д. Омсино, **Пес.** — д. Пески, **Свет.** — д. Светозарево, **Сиб.** — д. Сибирь, **Сиз.** — д. Сизево; **среднечепецкий диалект:** **Аз.** — д. Азамай, **Байд.** — д. Байдалино, **Байр.** — д. Байран, **ВБог.** — д. Верхняя Богатырка, **ВУн.** — д. Верхние Уни, **Гул.** — д. Гулеково, **Деб.** — с. Дебы, **Ел.** — с. Елово, **Ер.** — д. Ертем, **Зол.** — д. Золотарево, **Ис.** — д. Исаково, **Кельд.** — д. Кельдыково, **Кож.** — д. Кожиль, **Коч.** — д. Кочишево, **Кыч.** — д. Кычино, **Люм** — с. Люм, **Ник.** — с. Никольское, **Оз.** — д. Озерки, **Пус.** — д. Пусошур, **Пыш.** — с. Пышкет, **Ук.** — с. Укан, **Чар.** — д. Чарланово, **Чури.** — д. Чуривыл, **Штан.** — д. Штанигурт.

ЛИТЕРАТУРА

- Алашеева А. А. 1982, Верхнечепецкие говоры I. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 91—105.
- 1990, Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого диалекта удмуртского языка. — Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. Языкознание, Москва, 8—10.
- Архипов Г. А. 1987, К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка. — Пермистика. Вопросы диалектологии и истории пермских языков, Ижевск, 84—92.
- Белослудцева Т. В. 2009, Чупчийыл диалектлэн фонетика но морфология удысын аспӧртэмлыкез (Пажман гуртлэн вераськетэзъя), Ижевск (Рукопись дипломной работы. Удмуртский государственный университет, кафедра удмуртского и финно-угорского языкознания).
- Бубрих Д. В. 1948, Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком), Ижевск.
- Бушмакин С. К. 1969, Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. — СФУ V, 59—69.
- Вахрушев В. М. 1959, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — ЗУдмНИИ, вып. 19, 228—241.
- Золотарева Т. М. 2000, Фонетические, морфологические и лексические особенности говора удмуртов д. Сибирь Унинского района Кировской области, Ижевск (Рукопись дипломной работы. Удмуртский государственный университет, кафедра удмуртского и финно-угорского языкознания).
- Загуляева Б. Ш. 1980, Морфологические особенности прикильмезских говоров. — FU 6, 103—109.
- Каракулов Б. И. 1982, Говор села Юски. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 106—115.
- Карпова Л. 1997, Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка, Tartu 1997 (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 2).
- Карпова Л. Л. 2005, Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи, Ижевск.
- 2011, О степенях качества прилагательных в северно-удмуртских диалектах. — Урало-алтайские исследования 1 (4), Москва, 24—33.
- 2013, Лексика северного наречия удмуртского языка. Среднечепецкий диалект, Ижевск.
- 2014, Фонетические различия в северных диалектах удмуртского языка. — LU L, 189—198.
- Кельмаков В. К. 1971, Вопросы словообразования имен существительных в кукморском диалекте удмуртского языка. — СФУ VII, 19—28.
- 1977, Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I. — Вопросы удмуртской диалектологии. Сборник статей и материалов, Ижевск, 26—61.
- 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск.
- 1998a, Морфологические различия в удмуртских диалектах и их типы. — LU XXXIV, 106—120.
- Люкина Н. М. 2008, Некоторые особенности говора слободских удмуртов. — Актуальные проблемы изучения литературы и языка в вузе и школе. Четвертые Татаринцевские чтения, Глазов, 152—154.
- Максимов С. А. 1998, К вопросу о суффиксе *-ни* в удмуртском языке. — История и культура финно-угорских народов, материалы международной студенческой научно-практической конференции, Глазов, 40—45.
- 1999, О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке. — Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии, Ч. 2. Языкознание. Фольклор и краеведение, Ижевск, 193—208.

- Первошиков П. Н. 1959, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск.
- Серебрянников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков. Москва.
- Тепляшина Т. И. 1964, О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах. — Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология, Москва—Ленинград, 136—145.
- — 1970, Нижнечепецкие говоры североудмуртского наречия. — ЗУдмНИИ, вып. 21. Филология, 156—196.
- — 1970а, Язык бесермян, Москва.
- — 1981, О новых удмуртских падежах. — CIFU V, Pars VI, 285—292.
- Федюнева Г. В. 2008, Первичные местоимения в пермских языках, Екатеринбург.
- Szűcs, S. 2005, Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache, Budapest.
- Korhonen, M. 1991, Remarks of the Structure and History of the Uralic Case System. — JSFOu 83, 163—180.
- Taali, V. 1956, The Origin of Affixes. — FUF XXXII, 170—225.
- Uotila, T. 1933, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu LXV).
- Wichmann, Y. 1923—1924, Zur permischen Grammatik. — FUF XVI, 143—163.